

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

УДК 94(470.55)''1929–1935'':338.439.6

«НЕ СНАБЖАЮТ, А ИЗДЕВАЮТСЯ НАД НАМИ...»: СИСТЕМА СНАБЖЕНИЯ МАГНИТОГОРСКА (1929–1935)

Н. Н. Макарова

Рассматриваются повседневные практики магнитогорцев в системе снабжения. На основе широкого круга источников автор показывает качество питания и механизмы снабжения горожан в годы первой и отчасти второй пятилеток, а также оценку системы снабжения, данную магнитогорцами. Источниковая база исследования представлена материалами центральных и региональных архивов, а также материалами устных свидетельств старожилов города Магнитогорска.

Ключевые слова: снабжение, история повседневности, локальная история, устная история, Магнитогорск.

Повседневный быт горожан эпохи индустриализации был пронизан массой трудностей, из которых острой и всеобщей была чрезвычайно сложная ситуация со снабжением. Страна испытывала острый дефицит основных продуктов питания и других товаров первой необходимости. Карточная система в СССР была введена 14 февраля 1929 г. Просуществовала она до начала 1935 г., а на промышленные товары – до 1936 г. В Магнитогорске проблемы снабжения населения стояли чрезвычайно остро. Причины неудовлетворительного обеспечения горожан заключались не только в характерном для всего Советского Союза дефиците товаров широкого потребления и продуктов питания, но и в специфической обстановке, сформировавшейся в городе. Общая неустроенность быта, постоянное движение рабочей силы, несоответствие товарных фондов, выделяемых Наркомснабом, Центросюзом, Уралоблсоюзом для Магнитостроя контингенту жителей города, наконец, отсутствие плановости в завозе товаров и постоянного месячного запаса качественных продуктов на складах – все это существенно осложняло жизнь магнитогорцев.

Изучение вопросов питания магнитогорцев предполагает обращение к историческим работам о продовольственном и промтоварном снабжении горожан в 1930-е гг., о торговле, распределении и потреблении. Данная проблематика активно разрабатывалась на общероссийском уровне еще в первые годы советской власти¹. Авторы пытались прежде всего обосновать необходимость введения карточной системы и временность данной меры, рассматривали способы контроля над частным сектором. В 1990-е гг. появляются исследования, изучающие систему снабжения в ином ключе. Основное внимание уделяется проблеме новой экономической политики². Среди новейших книг по социально-экономической истории 1920–1930-х гг. следует назвать ряд работ, рассматривающих проблемы развития экономики и сферы снабжения³. Наиболее фундаментальными трудами по советской торговле и продовольственному распределению периода 1920–1930-х гг. являются исследования Е. А. Осокиной, которая изучает данные вопросы в контексте истории повседневности⁴. Автор считает, что люди становились жертвами централизованной распределительной экономики. Товарный дефицит порождал низкий уровень жизни и своеобразную психологию выживания⁵. Близкой точки зрения придерживается А. И. Черных. Анализируя материалы бюджетных обследований советских граждан, автор сделал вывод о том, что период 1926–1928 гг. был наилучшим с точки зрения материального благосостояния населения СССР. К заключению о том, что жизнь городского населения СССР в конце 1930-х гг. приблизилась к уровню 1928 г., но не достигла дореволюционного, пришел Н. Р. Коровин⁶. Его вывод разделяет С. П. Стеблев. Последний также отмечает, что уровень материального благосостояния граждан СССР к концу 1930-х гг. значительно вырос⁷. Распределительную систему в СССР и ее связь с рынком на примере Центрально-Черноземного региона изучали С. А. Вишняков и Н. А. Горшкова⁸.

Специфика развития торговли, снабжения и потребления в Магнитогорске не отражена в специальных исследованиях. Частично вопросы снабжения рассматриваются в издании, посвященном истории становления и развития магнитогорского хлебокомбината⁹ и работе П. М. Корабельщикова «Торговый путь Магнитки»¹⁰. Эти труды, однако, не имеют научного аппарата и в основном ограничиваются перечислением рубежных событий и имен в сфере торговли города Магнитогорска.

Особо хотелось бы отметить работу американского историка С. Коткина, которая до сих пор не переведена на русский язык. Автор рассматривает обширный спектр вопросов от проблем жилищного дефицита, преступности и методов перевоспитания заключенных до форм отдыха магнитогорцев. Наиболее детально С. Коткин анализирует взаимоотношения рынка и плановой экономики. По мнению автора, экономическая жизнь города представляла собой переплетение официальной, легальной и теневой деятельности. Главной причиной существования рынка в Магнитогорске был товарный дефицит – таков основной вывод исследователя. Богатый региональный материал о деятельности черного рынка позволил показать его специфику – паразитизм, спекулятивный характер, огромные масштабы воровства, относительность понятий «законное» и «незаконное». Главной причиной развития спекуляции автор считал искусственно заниженные цены в системе государственной торговли. Это, по нашему мнению, является лишь одним из факторов. Базу спекуляции составляли прежде всего товарный дефицит и высокий покупательский спрос. В целом С. Коткин показал, что советское общество 1930-х гг. функционировало как система правил, включая правило идентификации. Система взаимоотношений показана как динамичная сеть социальных контактов, как «пейзаж возможностей», в котором горожане действовали конформистски¹¹.

Исходя из историко-антропологического подхода наиболее важно изучить исторические реалии с точки зрения рядового человека в рамках его практического опыта. В этом ключе систему снабжения магнитогорцев наиболее целесообразно рассмотреть сквозь призму мнений горожан, их спонтанных высказываний и оценок по прошествии длительного периода времени. Это позволяет представить условия существования магнитогорцев и повседневные практики в рамках удовлетворения ими одной из важнейших потребностей человека: в товарах первой необходимости. Наиболее ценными среди источников по теме проекта являются свидетельства очевидцев и отчеты секретно-политического отдела НКВД «О настроениях среди рабочих», которые составлялись по данным агентурных донесений, а также отчеты Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) и разнообразных комиссий по проверке снабжения, качества питания, работы магазинов, столовых и т. п.

Состояние торговой сети в городе в период с 1929 по 1935 г. менялось. До 1932 г. снабжением горожан и организацией общественного питания занимался Центральный рабочий кооператив (ЦРК), который в связи с резким увеличением численности населения Магнитогорска не справлялся со своими задачами. Поэтому уже в 1930 г. в городе начали работу колхозные базары, спрос на продукты которых всегда оставался высоким. 10 июня 1931 г. поселок Магнитный был переименован в город Магнитогорск, что дало основание для организации в городе предприятий государственной торговли. Несмотря на постоянное увеличение сети магазинов, потребности растущего города не были удовлетворены. В результате 4 декабря 1932 г. СНК РСФСР принял постановление об улучшении снабжения строителей Магнитогорска, в соответствии с которым было организовано Управление рабочего снабжения (УРС). Все торговые объекты, находившиеся в черте города и в ведении ЦРК, передавались УРСу, который более успешно и интенсивно решал вопросы снабжения горожан.

Порядок продажи товаров по карточкам был определен администрацией стройки совместно с ЦРК, в соответствии с которым были созданы рабочие активы по контролю за системой снабжения и питания¹². Предполагалось, что рабочие будут контролировать весь процесс снабжения в масштабах города, но реальная практика оказалась гораздо проще. Рабочие бригады формировались по цеховому принципу и следили, чтобы каждый пользовался соответствующей его положению карточкой, и никто не получил бы порцию в столовой больше или меньше положенного¹³. Со временем и эти полномочия рабочий контроль утратил. С 1932 г. в Магнитогорске проводили рейды «легкой кавалерии» – специально созданных отрядов по контролю за сферой торговли. В целом система дополнительного контроля ярко свидетельствовала о нерешенности вопросов снабжения в городе.

Выдача товаров по карточкам или «заборным книжкам» неизменно сопровождалась очередями, волокитой, руганью и бюрократическими ошибками. В Магнитогорске в сфере снабжения, торговли и общественного питания получили распространение обвешивания, «торговля для своих», получение дополнительных обедов за счет «мертвых душ». Результаты проверки, проведенной 4 июля 1934 г. в городе, оказались следующие: «В магазине № 17 оказались неверные веса...», «...в магазине № 37 обнаружен случай обвешивания продавцом Игнатовой на 10 грамм мяса и наличие неверных весов на 5 грамм», «...заведующий ларьком № 1 Велеев и его помощник Жвалов ежедневно большинству рабочих отказывают в выдаче мяса, а своим знакомым дают сколько нужно...»¹⁴. Махинации с карточками также получили широкое распространение. Протоколы контрольной комиссии РКИ свидетельствуют о разнообразных способах получения продуктовых и промышленных товаров по поддельным или чужим карточкам¹⁵. При высоком проценте текучести кадров в Магнитогорске данная практика получила широкое распространение. Американский рабочий Джон Скотт упоминает о лишних карточках во время обеда, но откуда они взялись, он не уточняет. Скорее всего такие лишние карточки – результат существования в городе «мертвых душ»¹⁶.

Очереди были спутником жизни магнитогорцев на протяжении всего исследуемого периода. Возникновение очередей объяснялось прежде всего отсутствием достаточного количества торгующих точек и столовых, дефицитом товаров народного потребления и массовой путаницей, возникающей при наличии льгот и привилегий среди магнитогорцев: «Я ударник, ежемесячно перевыполняю план, работаю на самом ответственном участке нашего завода старшим газовщиком на комсомольской домне, но живу очень плохо. Во-первых, я как правило остаюсь по два – три дня без хлеба. Придешь с работы, то в ларьке хлеба нет, то очередь большая. А стоять в очереди совершенно некогда. Когда твоя очередь дойдет, это примерно часа через три – четыре, хлеба нет...»¹⁷. Местная пресса неоднократно освещала проблемы очередей в Магнитогорске и указывала на то, что люди стоят в очередях во время рабочей смены¹⁸. В очередях часто звучали нотки недовольства: «Работаешь, работаешь, устанешь до черта, а тут опять стоишь, то хлеба нет, то мелких денег нет...»¹⁹. Со временем, после отмены карточной системы, проблема очередей перестала быть столь острой, но не исчезла совсем.

В связи с имевшимися проблемами в сфере снабжения отчеты контрольных комиссий РКИ отмечали случаи недовольства со стороны рабочих. В октябре 1930 г. рабочие конного двора Трансстроа Зетченко, Залавинов и Попов заявили: «Мы ходим голые и босые на работу, а старшие забрали себе все, мы подавали заявление в ЦРК, но никакого ответа не получили»²⁰. Рабочий ответственного участка строительства плотины Федоров во время проведения беседы десятником Быковым говорил: «Вошь заедает. Дали бы хотя бы по паре белья. ЦРК содрал с нас пай, работает на наши деньги... а нам фигу показывает...» Выступавший вскоре за Федоровым бригадир землекопов Евсенов жаловался на то, что его ударной бригаде в течение двух месяцев не выдают ударные карточки²¹. По общему числу жалоб на работу организации ЦРК и его аппарат занимал четвертое место²².

На собрании домохозяек, проходившем 30 апреля 1931 г. на третьем участке, жена рабочего ВЭС № 1 Литягина заявила: «Дураки рабочие и машинисты, что они не сделают общий отказ от работы... и на субботник мы не пойдем, так как нас не снабжают, а издеваются над нами...»²³. Наиболее частыми формами открытого проявления недовольства магнитогорцев являлись отказы рабочих идти на праздничные демонстрации и принимать участие в субботниках: «Я на эти дни лучше уеду праздновать в деревню, пьянствовать, чем выходить (на демонстрацию) и глазеть, чувствуя в душе, что кругом идет издевательство», «...ходить на субботники мне некогда», «я уж наработался, раз мне не дают обуви и не снабжают как рабочих, я на субботник не пойду»²⁴. Любопытно заметить, что субботник и демонстрация, намеченные на 30 апреля и 1 мая 1932 г. соответственно, фактически были сорваны работниками доменного цеха: «На демонстрации участвовало из всех 1200 человек только 250...»²⁵

Снабжение тех, кто получал карточки, представляло сложную иерархию. В Магнитогорске действовали особый и первый списки снабжения, т. е. магнитогорцы должны были получать хлеб, муку, крупу, мясо, рыбу, масло, сахар, чай, яйца в первую очередь и по увеличенным нормам. Однако внутри каждого списка существовали особые стандарты снабжения, зависевшие от производственного статуса человека²⁶. Высшую категорию представляли индустриальные рабочие

(группа «А»). К их числу относились рабочие завода и транспорта. Нормы остальных рабочих и лиц физического труда, не занятых в работе металлургического завода, представляли вторую категорию снабжения (группа «Б»). По этому списку снабжались также рабочие в учреждениях здравоохранения, торговли, персональные пенсионеры, старые большевики. Третью группу в каждом списке представляли служащие, члены семей рабочих и служащих, обычные пенсионеры, инвалиды. Дети составляли отдельную группу, нормы снабжения в которой зависели от места работы родителей.

Существовало спецснабжение, распространявшееся на высших номенклатурных работников и иностранцев²⁷. В декабре 1932 г. по решению Политбюро была введена особая группа крупнейших предприятий²⁸. Теперь администрация завода выдавала карточки и устанавливала нормы снабжения в пределах, указанных Наркомснабом. В результате в Магнитогорске возникли новые категории снабжаемых: рабочие-ударники и рабочие-неударники, служащие-ударники и служащие-неударники, ударники производственных цехов и ударники непромышленных цехов, ударники производства первоочередного значения и второстепенного. Нормирование продуктов зависело от категории предъявляемой карточки. Существенную трудность на Магнитострое вызывало нормирование. Вышестоящие организации вплоть до конца 1932 г. не могли определиться в нормах снабжения Магнитостроя. Центрсоюз, Церабсеккооперация, Уралоблсоюз и Троицкий внуторг предлагали каждый свои нормы выдачи товаров. Магнитогорский ЦРК, вынужденный подчиняться распоряжениям вышестоящих организаций, менял нормы и «положение получалось такое, что сначала начали выдавать по одной норме, через два-три дня – по другой, через неделю – по третьей и т. д.»²⁹. Подобная ситуация вызывала недовольство магнитогорцев и увеличивала число конфликтов.

Среди многообразия заборных документов только карточка ударника, введенная в Магнитогорске в феврале 1931 г., давала право первоочередного преимущественного обслуживания не только в магазинах ЦРК, а позднее УРСа, но и во всех культурно-бытовых организациях города, в сети предприятий государственной торговли и сети нарпита. Остальные категории населения имели право отоваривать свои карточки по коммерческим ценам в порядке общей очереди. Ордера на промышленные товары также распределялись в соответствии с системой привилегий и льгот. До 75% общего количества карточек на остро дефицитные товары (обувь, одежда) выдавались ударникам, оставшиеся 25% распределялись, в первую очередь, среди рабочих, добровольно закрепившихся на строительстве. Все эти мероприятия были направлены на выполнение главной задачи – строительства металлургического завода, и в определенной мере имели положительное влияние на повышение производительности труда и развертывание соцсоревнования. Но выигрышное положение ударника являлось шатким, т. к. право получения карточки ударника могло быть оспорено администрацией предприятия. Борьба с лжеударничеством велась как по стране, так и в Магнитогорске. В целом число ударников в городе увеличивалось³⁰.

Официальное законодательство предполагало систему льгот в сфере снабжения для красноармейцев и красных партизан и членов их семей, однако протокол № 5 слета семей красноармейцев, состоявшегося 30 января 1933 г., показал, что большинство последних не знает о системе льгот³¹. Член семей красных партизан Соловьева на собрании заявила: «Нам, партизанам, никаких привилегий нет. Был партизанский распред и его ликвидировали. Теперь нас для прикрепления гоняют по всей площадке. Никакой внеочередности нам и семьям красноармейцев в распредах и учреждениях нет»³². На этом собрании прозвучала масса жалоб различного характера. Но наиболее актуальной оказалась проблема работы самих распредов. В закрытых распределителях распространенным явлением было самовольное превышение цен. В частности, в распределителе магнитогорского ЦРК № 85 булочки продавали по 7 коп. вместо положенных 6,5 коп.³³

Весомый вклад в строительство завода и города внесли спецпереселенцы и заключенные ИТК. Спецпереселенцы проживали в контролируемом ОГПУ поселке, первоначально огороженном колючей проволокой в два ряда. Режим в спецпоселке был мягче, чем в ИТК, однако спецпереселенцы являлись заключенными и подчинялись особому режиму. Главный принцип снабжения данной категории населения города можно сформулировать следующим образом: процент выполнения производственного задания влияет на нормы снабжения. По постановлению СНК СССР от 3 февраля 1930 г. «О порядке снабжения продовольствием и промтоварами кулацких

хозяйств в связи с выполнением ими твердых производственных заданий» пайки спецконтингента были ниже, чем у вольных рабочих³⁴. Но в мае 1930 г. постановления СТО и СНК СССР уравнивали паек вольных и спецкадров. Предписывалось обеспечивать спецпереселенцев одеждой и обувью в размерах, необходимых для выполнения заданий. Постепенно на них были распространены принципы рабочего снабжения, произошло также уравнивание зарплаты рабочих и спецпереселенцев³⁵. В Магнитогорске к концу первой пятилетки, с точки зрения государственного снабжения, не существовало различий. Более того, нормы снабжения спецпереселенцев оказались больше, чем для вольных работников типографий или артелей. На практике имели место нарушения действующих правил: снабжение не наравне с кадровыми рабочими, выдача продуктов во вторую очередь, недоснабжение промтоварами, невыдача зарплаты и пайка за дни болезни и т. п.³⁶ Спецпоселенцы жаловались на существовавшую несправедливость; проблема периодически поднималась в местных средствах массовой информации, руководство Уральской области издавало приказы, но на местах ситуация не менялась.

Осужденных, как и обычных рабочих, различали по их «классовой позиции», т. е. политической лояльности, и по качеству труда. Характеристику качественных показателей давали низшие должностные лица ИТК, часто сами отбывающие наказание³⁷. Труд осужденного подлежал минимальной оплате, но измерялся он не в рублях, а в процентах выполнения плана. В газетах ИТК периодически публиковали правила расчета рабочих дней. В качестве стимула для дальнейших трудовых свершений руководство колонии использовало выдачу дополнительных пайков и теплой одежды. Скучные пайки в ИТК стали «яблоком раздора» между заключенными. Газета «Борьба за металл» отмечала, что в столовых ИТК распространилась система «блата», позволяющего получать дополнительные продовольственные пайки³⁸.

Магнитогорск остро нуждался в работниках интеллектуального труда: техническая интеллигенция, учителя и преподаватели ВУЗов, артисты, художники, музыканты. В соответствии с постановлением Наркомснаба 1931 г. эта категория населения снабжалась наравне с лицами, принадлежавшими к промышленному производству. Кадры, обслуживавшие непосредственно рабочих металлургического завода или выполнявшие не физический труд на заводе, относились к списку «А»; люди, непосредственно не работавшие с кадровыми рабочими и не связанные с заводом, принадлежали к списку «Б». Остальные относились к третьей категории. Так, отдел народного образования города Магнитогорска заключил договор с учителями музыки Фелициант и Ванштейном, в соответствии с которым специалистов прикрепляли к первой категории снабжения, закрытому распределителю и столовой³⁹. Вообще отраслевой принцип снабжения товарами первой необходимости, как и в решении жилищного вопроса, в Магнитогорске практиковался довольно часто. Каждая организация города, заинтересованная в сохранении кадров, разрабатывала систему дополнительных поощрений. Вопрос снабжения сотрудников системы здравоохранения интересовал прежде всего самих работников системы. В условиях общего дефицита продуктов и карточного распределения горздравотдел проявил обеспокоенность относительно качества питания своих сотрудников и их здоровья.

Таким образом, принцип «чем ближе к производству, тем лучше снабжение» получил широкое распространение. Касался он также студентов. В мемуарах Нина Кондратовская пишет о том, что именно стремление к лучшему снабжению привело ее в Магнитогорск: «...без материальной поддержки в голодную пору на смехотворную стипендию не проживешь. И я поехала в Магнитогорск, где был Вечерний институт»⁴⁰. Молодежь, считавшая, что в крупном индустриальном городе с питанием проблем нет, поступала учиться в школы ФЗУ. Однако в городе выяснялось, что учащиеся ФЗУ питаются в столовых Магнитогорска на общих основаниях (стоимостью 19 руб. в месяц). Когда ГорОНО заключил с ЦРК специальный договор об обедах для учащихся ФЗУ на сумму 23 руб. в месяц, многие рассчитывали на повышение качества обедов или, по крайней мере, их количества. Договор предполагал 20 мясных и 10 рыбных дней в месяц. Но питание оказалось ничуть не лучше. Более того, чаще стали возникать ситуации, когда ужин учащихся ФЗУ состоял из стакана кофе⁴¹.

Иерархия государственного снабжения проявлялась не только в различии ассортимента и норм, но и включала в себя иерархическую систему магазинов, столовых и цен. В Магнитогорске возникли следующие виды магазинов: закрытый распределитель (ЗК), закрытый рабочий кооператив (ЗРК) и отдел рабочего снабжения (ОРС). Прикрепление к магазинам и ларькам было

постоянным и, как правило, объявлялось на один год. Списки публиковались в газетах. Однако путаница существовала постоянно. Число торговых точек и распределителей возрастало и списки закрепленных рабочих изменялись. Тем не менее каждая группа потребителей могла купить товары только в «своем» магазине при наличии соответствующих документов.

Эти же правила распространялись и на столовые. Общественное питание играло важную роль в Магнитогорске, однако процесс нормализации работы сети общепита оказался длительным. В 1930 г. сеть общественного питания на строительной площадке включала 32 действующих предприятия, пропускная способность которой составляла 40 тыс. блюд в сутки. Однако норма практически всегда была превышена и составляла 40 тыс. блюд для ИТР, 28–30 тыс. для школьников и дошкольных учреждений, обедов и ужинов постоянно столоующихся 160 тыс. блюд. В итоге общая нагрузка составляла 230–250 тыс. блюд в сутки. Повар Паутов, работавший в столовой № 6, вспоминал: «В двух котлах варили обеды на 4–5 тыс. рабочих. Работало три бригады. Днем варили, ночью варили, утром варили...»⁴². Несмотря на колоссальные перегрузки норм работы сети общепита, не все горожане могли получать горячие обеды. Состояние столовых было неудовлетворительным: ряд столовых не отапливался, отсутствовали сеть канализации и водопровод, не было подсобных помещений и ледников⁴³. Имеющиеся столовые должны были готовить обеды на весь контингент рабочих строительной площадки и развозить обеды на те участки, где столовых не было. «В результате ежедневно без обедов и ужинов остаются рабочие... Обеды привозят холодными...»⁴⁴ Предполагалось, что ударники должны были питаться в отдельной столовой или, по крайней мере, обедать за отдельными столами, однако перегруженность была слишком большой и все обедали вместе. Естественно, существовали отдельные столовые для инженеров и высококвалифицированных специалистов, но отличия были минимальными. В столовых для инженерно-технических специалистов было относительно чисто, а по замечанию Дж. Скотта, «еда почти такая же, как и у нас. А суп, я думаю, тот же самый»⁴⁵. Обеды в столовых города были крайне однообразны, а их качество было крайне неудовлетворительное⁴⁶. Так, хлеб в городе, несмотря на наличие собственного хлебокомбината, был низкого качества. Чаще всего он был просто не пропечен, и рабочие вынуждены были есть его сырым⁴⁷.

Реальное количество продуктов, потреблявшихся магнитогорцами, значительно отличалось от нормативных показателей. В среднем по Уралу потребление основных продуктов было примерно в 8,6 раза меньше средней годовой нормы. При этом потребление хлебопродуктов, макаронных изделий и круп было в среднем в 1,5–1,6 раза меньше нормативных показателей, мяса – в 2,1, молока – почти в 4, мяса – в 5,1, рыбы – в 3, овощей – в 4,7, фруктов – в 22,3, яиц – в 48,7 раза меньше⁴⁸. Одновременно, по данным В. С. Терехова, на 1931–1932 гг. пришелся пик роста розничных цен. Поэтому горожане оказались в сложнейших условиях. Вопрос качественного, а зачастую достаточного питания населения Магнитогорска оставался открытым. Ударница бригады имени 8 марта Елкина на собрании своей бригады жаловалась на то, что они с дочерью голодают: «Дочь моя учится в ФЭС на Ежовке в доменном городке, нам паек не дают, а в школе обеды дорого, 40 копеек, она девяти лет, есть ей хочется, денег у нас не хватает... а то я от своего обеда отделяю ей, а сама полуголодная работаю на выгрузке, тяжело»⁴⁹.

Проблема питания в Магнитогорске стояла по важности на втором месте после жилищной. Практически все респонденты на вопрос о самой большой проблеме в жизни отвечали: «Нет жилья, голод». По словам А. И. Чесноковой, ее семья голодала, карточки иждивенцев на мать, сестру и саму А. И. Чеснокову не удовлетворяли потребности в питании: «Я до сих пор благодарна государству за то, что в школе нам давали горячие обеды, в основном, кашу и чай. Мы с сестрой всегда все съедали... Мы остатки собирали и домой несли матери. Многие, как и мы, голодали, а были люди в еще более тяжелом положении»⁵⁰.

В 1932 г. в продовольственной карточке монтажника выданной ему на месяц, значились следующие продукты: 30 кг хлеба, 3 кг мяса, 1 кг сахара, 15 л молока, 0,5 кг масла, 2 кг крупы, картофель – по мере доставки. Но, по словам Джона Скотта, «монтажники в течение зимы 1932–1933 гг. не видели ни мяса, ни масла и почти не видели сахара и молока. Им выдавали только хлеб и немного крупы. В магазине, к которому они были прикреплены, они могли купить не по карточкам духи, табак, “кофе” (суррогат), а иногда мыло, соль, чай и леденцы. Однако этих товаров почти никогда не было в продаже...»⁵¹

Архивные данные позволяют представить себе уровень жизни магнитогорцев. На собрании ударной бригады имени 8 марта от 28 мая 1932 г. ударница Хафизова заявила, что им с семьей жить не на что: «Мы, ударницы, зарабатываем от 68 до 105 рублей, но у нас так много вычитают – каждую получку на заем по 20 рублей, а я на месячный оклад подписалась... Вот за апрель я заработала 68 рублей – 20 рублей взяли за облигацию, 17 рублей за квартиру и прочие вычеты и мне с ребятами осталось 31 рубль...»⁵² Учитывая, что в магазинах не всегда можно было купить необходимые товары, горожане вынуждены были приобретать их на базаре, где цены были еще выше.

Обратнопропорционально иерархию снабжения повторяли цены: чем меньше зарплата тем дороже приходилось покупать товары. Из-за отсутствия продуктов питания и товаров народного потребления в магазинах рабочий вынужден был приобретать продукты питания и одежду на базаре по завышенным ценам (см. табл. 1).

Таблица 1

Цены на продукты (по данным за май 1934 г.)⁵³

Товар (кг)	Цены на городском базаре (в руб.)	Цены в магазинах (в руб.)	Разница (раз)
лук (перо)	10	2,59	3,8
свекла	9	2,23	4
хлеб ржаной	2	0,5	4
хлеб пшеничный	7	1,75	4
рыба (лещ)	7,5	2,1	3,5

Если проблему питания горожане все-таки решали, то питание детей до трех лет представляло серьезную проблему. Снабжение детского населения молоком и молочными продуктами осуществлялось с перебоями⁵⁴. Молоко в Магнитогорске полагалось потреблять только детям и рабочим вредных специальностей. Молока и молочных продуктов катастрофически не хватало, купить его можно было только с рук по завышенной цене и по договоренности. Стоит отметить, что дети, как и взрослые, делились на категории, в соответствии с которыми и получали продукты питания. Получалось, что малыш из семьи чернорабочего имеет больше шансов выпить молока, чем ребенок одинокой учительницы. После того как весной 1930 г. деление детей на категории отменили, уравнились и одновременно существенно понизились шансы получить молоко у всех малышей.

В значительной мере сложнее, чем снабжение продуктами питания, проходило снабжение горожан промышленными товарами. Все опрошенные респонденты утверждают, что очень не хватало одежды и обуви, «нечем было смениться»⁵⁵. В категорию дефицитных товаров были включены обувь, пальто, костюмы, брюки, шапки, рукавицы, белье, постельные принадлежности и др. Система распределения ордеров на дефицитные товары давала сбои. Чаще всего одеждой в Магнитогорске премировали ударников и членов их семей⁵⁶. Рассчитывать на получение теплой одежды к зиме могли далеко не многие, а те, кто получал долгожданную пару обуви или пальто, часто был разочарован тем, что размер одежды или обуви ему не подходил. В магазинах же необходимый товар практически не появлялся. Распределение происходило зачастую среди родственников и друзей⁵⁷. Сказывался также общий недостаток товаров группы «Б». Власти города пытались решать проблему собственными силами⁵⁸.

Нехватка обуви стояла настолько остро, что отдельные ударники «выкапывают в кучах мусора старые лапти», чтобы не прогуливать рабочих смен⁵⁹. Не все рабочие так поступали. Большинство из них не выходило на работу, так как «были босые»⁶⁰. Отчетная документация ГорОНО свидетельствует о том, что особо дефицитным товаром в городе были валенки⁶¹. В 1931 г. план завоза обуви был выполнен только на 89,3%⁶². А. И. Чеснокова рассказала, в какой обуви приходилось ходить многим школьникам и, в частности, ей, зимой 1933–1934 гг.: «... Зимой мы носили шерстяные носки с глубокими галошами, а летом босиком в городе ходить опасно было. Много всякого строительного мусора было. Я крючком вязала себе следочки... Потом под стопу клала листву и бегала так»⁶³. В 1934 г. ситуация с дефицитом обуви в некоторой степени нормализовалась.

В город в течение 1934 г. регулярно ввозили обувь большими партиями и распределяли ее не только по ордерам или в качестве премий за ударный труд, но и продавали в магазинах города⁶⁴.

Детей и подростков снабжали одеждой в школах, однако система снабжения и здесь давала сбои: в город поступали исключительно платья и пальто на детей в возрасте от 7 до 12 лет. Старшие школьники оставались часто без одежды⁶⁵. Вспоминает А. И. Чеснокова: «Одежду нам давали в школе. Мы с Леной получили сразу после приезда в город по пальто... До этого я ходила в шубейке, которую мне перешили из старья, а Лена в шали – накидке. Фактически голая»⁶⁶.

Сложная ситуация с дефицитом продуктов питания, обуви и одежды в городе порождала необходимость выменивать или продавать вещи. «Избирательность и скудность государственного снабжения заставляли людей искать дополнительные источники самообеспечения»⁶⁷. На рынке постоянно выменивали одежду, обувь, ткани. Власти оценивали подобные действия как спекуляцию. Наибольшее распространение меновые операции и торговля с рук получила на базарах города⁶⁸. Несмотря на то что меновые операции на базаре квалифицировались как незаконная торговля и спекуляция, сложные условия жизни заставляли многих действовать незаконно⁶⁹. Исследователь С. Коткин использует термин «сплав» для характеристики деятельности легального и нелегального рынка и называет Магнитогорск обществом «без первого этажа», имея в виду отсутствие государственной инфраструктуры и достаточного производства товаров народного потребления. Эту свободную нишу заполнила активность общества, участвующего в торговле, пусть даже и нелегальной. Именно это и позволяло поддерживать, по мнению С. Коткина, относительную стабильность в сфере снабжения горожан⁷⁰. Мы считаем, что ситуацию в сфере снабжения стабильной назвать невозможно, однако нелегальная торговая деятельность горожан позволяла выживать многим в сложнейшей ситуации дефицита товаров первой необходимости.

Таким образом, преимущества в снабжении имели инженерно-технические работники и индустриальные рабочие (кадровые), далее шли неиндустриальные рабочие, служащие и иждивенцы. Дети составляли особую группу, снабжение которой всецело зависело от места работы их родителей. Несомненно, реальные различия в снабжении групп населения были ничтожны, но в голодные годы первой пятилетки они казались весьма существенными. Кроме того, как отмечает Е. А. Осокина, государственная политика создавала стратификацию в сфере полуголодного питания⁷¹. Поэтому все категории населения, в том числе привилегированные, проявляли недовольство. Последнее было, как правило крайне слабым: отдельные высказывания, реплики, жалобы. Они в основном звучали в очередях в магазины, в столовые, на собраниях какой-либо рабочей бригады или вечерами в барках, т. е. либо в условиях сложной морально-психологической обстановки, когда терпение заканчивалось, либо среди наиболее близких людей, которым можно было доверить свое мнение. Проблема латентного голода сопровождала магнитогорцев на протяжении всего изучаемого периода. Гардероб горожан в первой половине 1930-х гг. отличался большой скромностью, а его наполняемость зависела от качества снабжения города. Это положение в целом соответствовало ситуации в стране, но в значительной степени усугублялось социально-бытовой обстановкой в городе – новостройке.

Примечания

¹ Болотин З. А. Без карточек. М., 1935; Булгаков В. Советская торговля на новом этапе. М.; Л., 1932; Внутренняя торговля РСФСР за 1931–1934 гг. М., 1935.

² Гимпельсон Е. Г. НЭП и советская политическая система, 20-е гг. М., 2000; Давыдов А. Ю. Мещочничество и советская продовольственная диктатура (1918–1922) // Вопросы истории. 1994. № 3. С. 41–54; Суворова Л. Н. Государство и рынок в России в 1923–1928 гг. // НЭП; завершающая стадия: состояние экономики и политики. М., 1998. С. 58–97.

³ Система управления экономикой 30-х годов: сб. ст. М., 1990; Мау В. А. Реформы и догмы. 1914–1929: очерки истории становления хозяйственной системы советского тоталитаризма. М., 1993; Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание: начало 1930-х гг. М., 1994; Рынок и реформы в России: Исторические и теоретические предпосылки. М., 1995 и др.

⁴ Осокина Е. А. Иерархия потребления: О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935 гг. М., 1993; Она же. Люди и власть в условиях кризиса снабжения (1939–1941) // Отечественная история. 1995. № 3. С. 16–32; Она же. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941 гг. М., 1997.

- ⁵ Осокина Е. А. Предпринимательство и рынок в период «свободной торговли» // Социальная история. Ежегодник. М., 2000. С. 151.
- ⁶ Коровин Н. Р. Некоторые вопросы социального развития рабочего класса СССР в годы второй пятилетки // Проблемы социального развития советского общества. Иваново, 1992.
- ⁷ Стеблев Э. А. Экономика российской повседневности // Российская повседневность 1921–1941 гг.: новые подходы. СПб., 1998.
- ⁸ Вишняков С. А. История развития в СССР рыночной торговли и распределительная система (1936–1941): автореф. ... дис. канд. ист. наук: 07.00.02 / КГУ. Курск, 1999; Горшкова Н. А. Социальное распределение и элементы рынка в государственной экономике (1931–1935): автореф. ... дис. канд. ист. наук: 07.00.02 / КГУ. Курск, 2000.
- ⁹ Магнитогорский комбинат хлебопродуктов «СИТНО». Хроника. 1936–2001. Магнитогорск, 2002.
- ¹⁰ Корабельщиков П. М. Торговый путь Магнитки. Магнитогорск, 2004; Магнитогорский комбинат хлебопродуктов. Хроника. 1936–2001. Магнитогорск, 2002.
- ¹¹ Лип. Дж., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М., 2009. С. 75.
- ¹² МУ Магнитогорский «Городской архив» (далее – МУ МГА). Ф. 49. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.
- ¹³ МУ МГА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 96. Л. 4.
- ¹⁴ Объединенный государственный архив Челябинской области (далее ОГАЧО). Ф. П-783. Оп. 1. Д. 8. Л. 50; МУ МГА. Ф. 49. Оп. 7. Д. 14. Л. 68.
- ¹⁵ ОГАЧО. Ф. П-783. Оп. 1. Д. 87. Л. 6.
- ¹⁶ «Мертвые души» возникали, если рабочий покидал строительство, а с продовольственного снабжения его не снимали еще какое-то время, и кто-нибудь получал товары на его имя.
- ¹⁷ Магнитогорский комсомолец. 1932. 16 августа.
- ¹⁸ Борьба за металл. 1932. 5 декабря; 1933. 17 апреля; Горняк. 1931. 9 апреля.
- ¹⁹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 230. Л. 13.
- ²⁰ ОГАЧО. Ф. П-783. Оп. 1. Д. 8. Л. 54.
- ²¹ Там же. Л. 72.
- ²² Там же. Д. 4. Л. 101.
- ²³ Там же. Д. 12. Л. 74.
- ²⁴ Там же. Л. 85.
- ²⁵ Там же. Л. 83.
- ²⁶ Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»... С. 90.
- ²⁷ Вопросы спецснабжения в данной статье не рассматриваются.
- ²⁸ Постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 4 декабря 1932 г. «О расширении прав заводоуправлений в деле снабжения рабочих и улучшения карточной системы» // Правда. 1932. 5 декабря.
- ²⁹ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 230. Л. 3.
- ³⁰ МУ МГА. Ф. 49. Оп. 7. Д. 1. Л. 73.
- ³¹ ОГАЧО. Ф. П-783. Оп. 1. Д. 96. Л. 52.
- ³² Там же.
- ³³ Там же. Д. 51. Л. 8.
- ³⁴ Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»... С. 92–93.
- ³⁵ Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 9. Д. 218. Л. 20–21.
- ³⁶ Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. Р-255. Оп. 1. Д. 868. Л. 33; ОГАЧО. Ф. Р-1075. Оп. 1. Д. 31. Л. 9.
- ³⁷ Борьба за металл. 1932. 5 декабря.
- ³⁸ Борьба за металл. 1933. 6 февраля.
- ³⁹ МУ МГА. Ф. 12. Оп. 1а. Д. 5. Л. 34.
- ⁴⁰ Кондратковская Н. Г. «Ах, если бы еще одну мне жизнь!»: автобиографические рассказы. Философская проза. Воспоминания. Белорецк, 2006. С. 102.
- ⁴¹ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 230. Л. 136.
- ⁴² ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 1. Д. 172. Л. 30.
- ⁴³ МУ МГА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 34. Л. 84.
- ⁴⁴ ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 15. Д. 429. Л. 92.
- ⁴⁵ Скотт Дж. За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали. Свердловск; М., 1991. С. 54.
- ⁴⁶ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 172. Л. 31.; Д. 230. Л. 136.
- ⁴⁷ Борьба за металл. 1933. 9 апреля.
- ⁴⁸ Терехов В. С. Рекруты великой идеи. Технические специалисты в период сталинской модернизации. Екатеринбург, 2003. С. 173.
- ⁴⁹ Там же. С. 12. Стиль и орфография оригинала сохранены.

- ⁵⁰ Воспоминания А. И. Чесноковой, 1924 г.р., записано Н. Н. Макаровой в 2008 г. Л. 7.
- ⁵¹ *Скотт Дж.* За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали.. С. 97.
- ⁵² ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 1. Д. 109. Л. 14. Для понимания величины реальной суммы, оставшейся на руках у Хафизовой, мы приводим данные о ценах в магазинах города на основные товары по данным на 1932 г.: ведро картофеля – 12 руб., литр молока – 1,5 руб., 1 кг мяса – 6 руб., 1 кг масла – 16 руб., телогрейка – 27 руб., брюки хлопчатобумажные – 4,5 руб., 1 кг мыла хозяйственного – 4 руб.
- ⁵³ Составлено по: Магнитогорский рабочий. 1934. май – июнь.
- ⁵⁴ ГАСО. Ф. Р-1150. Оп. 1. Д. 100. Л. 12.
- ⁵⁵ Воспоминания Чернопятовой Л. Г., 1937 г.р., записано Н. Н. Макаровой в 2008 г.
- ⁵⁶ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 206. Л. 2.
- ⁵⁷ ОГАЧО. Ф. П-783. Оп. 1. Д. 12. Л. 54
- ⁵⁸ В Магнитогорске работали артели по производству обуви и одежды. В 1931 г. была открыта артель «Уралшвей», а в 1932 г. начала работу первая швейная мастерская для пошива одежды по индивидуальным заказам. Начиная с 1930 г. в Магнитогорске действовали пимокатная мастерская и мастерская по производству лаптей и кожаной обуви.
- ⁵⁹ ОГАЧО. Ф. П-783. Оп. 1. Д. 12. Л. 213.
- ⁶⁰ Там же. Л. 72.
- ⁶¹ МУ МГА. Ф. 12. Оп. 1а. Д. 1. Л. 93.
- ⁶² МУ МГА. Ф. 49. Оп. 7. Д. 1. Л. 77.
- ⁶³ Воспоминания Чесноковой А. И., 1924 г.р., записано Н. Н. Макаровой в 2008 г.
- ⁶⁴ Магнитогорский рабочий. 1934. 13 февраля, 24 мая, 14 июля, 3 августа, 5 октября.
- ⁶⁵ МУ МГА. Ф. 12. Оп. 1а. Д. 1. Л. 93.
- ⁶⁶ Воспоминания Чесноковой А. И., 1924 г.р., записано Н. Н. Макаровой в 2008 г.
- ⁶⁷ *Осокина Е. А.* За фасадом «сталинского изобилия»... С. 141.
- ⁶⁸ Воспоминания Чесноковой А. И., 1924 г.р., записано Н. Н. Макаровой в 2008 г.
- ⁶⁹ *Kotkin S.* Magnetic mountain: stalinism as civilization. Bereley, 1994. P. 536.
- ⁷⁰ *Kotkin S.* Magnetic mountain... P. 279.
- ⁷¹ *Постников С. П., Фельдман М. А.* Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М., 2009. С. 156.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.01.2010